

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

КАСОГИ И ОБЕЗЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

К.Ф. Дзамихов

Н.В. Варивода

В изучении истории и культуры адыгов (черкесов) и абаза (абхазо-абазин) важную роль играют памятники устной традиции, которые часто выступают единственным историческим источником, раскрывающим народные представления и оценку важнейших периодов своей истории. Поэтому в воссоздании исторического прошлого необходимым методическим требованием является совокупное исследование дошедших до нас письменных и устных памятников.

Касоги и славяне или тмутараканский цикл адыгских преданий и русских летописей

В исторической литературе принято считать, что между предками адыгов и восточными славянами – русами, существовали определенные взаимоотношения задолго до того, как они нашли свое отражение в письменных источниках. Свидетельством этому служит богатый археологический материал из адыгских могильников IV–XII вв., по которому элементы славянской культуры прослеживаются в инвентаре и обряде погребений [1, с. 234-235]. Вещи из этих погребений позволяют говорить о тесных торговых связях между народами Северо-Западного Кавказа и Южной Русью. О развитой торговле у предков адыгов свидетельствуют также арабские письменные источники IX–X вв. Арабские источники (Баладзори, Ибн-ал-Факих) зафиксировали непосредственное проживание русов на Северо-Западном Кавказе в пределах Хазарского каганата.

Отечественные историки в своих исследованиях пришли к выводу, что предки адыгов имели тесные связи с восточными славянами еще до возникновения Тмутараканского княжества. На основе изучения кабардинского эпоса, славянских сказаний и византийских источников Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что в северо-западной части Кавказа в середине I тыс. н. э. находились значительные массы славян. По его мнению, они сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии, растворившись среди адыгских (зихско-керкетских) племен, привнесли в эту среду русский эпос [32, с. 18-22; 34]. По мнению Л.И. Лаврова, археологические, этнографические и языковые материалы позволяют говорить о связях адыгов и славян с глубокой древности. Он высказал мысль, что «из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги» [10, с. 45]. Первоначальные сведения летописей характеризуют контакты и взаимоотношения касогов с Киевской Русью, а более конкретно – с

Тмутараканским княжеством. К этому времени, то есть к X в., предки современных адыгов – зихи и касоги – представляли собой мощные союзы племен, объединенные единством территории и общностью языка. Они имели широкие политические, торговые и этнокультурные связи с окружающим их внешним миром. Например, политические образования адыгов периодически вступали в войны или же, напротив, в союзнические отношения с хазарами, которые с конца VII в. закрепились в Западном Предкавказье. Косвенным свидетельством этих взаимоотношений служит устное предание о походе адыгов на хазар и взятии ими Саркела, которое приводится Ш.Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа» [21, с. 80-81]. Его достоверность подтверждает еврейско-хазарская переписка X в., которая упоминает в числе стран и народов, воюющих с Хазарским каганатом, зихов и касогов [8, с. 100-101, 123]. Несмотря на это, когда этого потребовала внешнеполитическая ситуация, адыги совместно с хазарами выступили против арабской экспансии в VIII–IX вв.

В первой половине X в. русские князья совершили ряд походов в Закавказье и на Каспий, среди которых наиболее крупными были вторжения 912-913 гг. и поход на Бердаа в 943-944 гг. Поэтому можно полагать, что они были знакомы и имели контакты с народами Северо-Западного Кавказа.

Самые ранние сведения о касогах в русских летописях дошли до нас в составе выдающегося памятника русской культуры – «Повести временных лет». Они использовались и комментировались в работах дореволюционных и советских авторов. В большинстве своем исследователи давали только информационную оценку историческим событиям, связанным с касогами. Между тем важнейшее значение имеет установление авторства первоначальных текстов, времени и места их создания, обстоятельства и целей включения известий о касогах в русские летописные своды. Изучение и использование летописных известий об адыгах, начиная с касожского периода и далее вплоть до XVI-XVII вв., необходимо вести в тесной связи со всей историей русского летописания. Без учета этих методических требований нельзя сделать какие-нибудь достоверные выводы. Широко аргументированная и подробная разработка проблем русского летописания XI в. была осуществлена в трудах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Б.Д. Грекова, А.Н. Насонова, Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова и других. Полученные ими результаты позволяют сделать вывод, что сведения о касогах первоначально появились в Никоновском своде 1073 г. и затем вошли в последующие своды.

Самый ранний сюжет с упоминанием о касогах содержится в летописном рассказе, описывающем восточный поход Святослава в 965 г. Лаврентьевская летопись сообщает об этом: «Одоле Святослав козаром и град их Белу Вежю взя. И ясы победы и касогы» [24, стб. 65]. В летописи по Ипатьевскому списку к этому фрагменту добавлено: «... и приде к Киеву» [25, стб. 53]. А.А. Шахматов, реконструируя Древнейший Киевский свод, выделял фрагмент «и ясы победы и касоги» как вставку позднейшего редактора [42, с. 426]. К сожалению, этот момент не всегда учитывается современными исследователями, которые касаются истории восточного похода 965 г. Описывая южную часть пути дружины Святослава (от Семендера до Саркела), они пользуются приведенным

известием как абсолютно достоверным [3, с. 59-60]. Рассматриваемый поход Святослава имел, как известно, важное значение во внешнеполитической жизни Древнерусского государства. Направленный своим острием против Хазарского каганата, он давал выход к Каспию, в районы Северного Кавказа и Причерноморья, что обеспечивало стратегическое преимущество в военном противоборстве с Византийской империей. Поэтому данные события вызывают огромный интерес. В существующей литературе имеются расхождения в изложении основного направления похода. Ряд авторов полагает, что после взятия русами Итиля они двинулись в Семендер, на обратном пути подчинили себе ясов и касогов, далее Тмутаракань и уже на последнем этапе разгромили Саркел (Белую Вежу) [3, с. 64-65; 12, с. 254]. Более аргументированной, на наш взгляд, является другая точка зрения, следуя которой, Святослав после похода по окско-волжскому пути разгромил Хазарский каганат и двинулся на ясов и касогов [5, с. 100; 35, с. 92-93].

При изучении этих исторических событий ученые, наряду с древнерусскими письменными источниками, широко привлекают сведения из трудов арабских историков Ибн-Хаукаля, Ибн-ал-Асира и других, а также анонимной «Записки греческого топарха», датированной началом X в. В этих источниках, к сожалению, не содержится никаких фактов о походе русов на земли ясов и касогов. Можно ли считать вставку позднейшего редактора о том, что Святослав «и ясы победи и касоги», отражающей достоверные события? Утвердительный ответ позволяет дать приводимое В.Н. Татищевым свидетельство, основанное на недошедших до нас летописных источниках. Он пишет, что в 967 г. «Святослав, елико по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, толико по своей обиде, что болгары помогали козарам, пошел паки к Дунаю. И сошедшись у Днестра, где болгары, козары, касоги и ясы в великой силе Святослава ожидали, не хотя Днестр перепустить» [37, с. 48-49]. Как повествует летопись, Святослав не стал биться с объединенным войском своих противников, а двинулся вверх по Днестру, «где ему помощь от венгров приспела». Таким образом, можно сделать вывод, что Святослав действительно имел военные столкновения с касогами и ясами в промежутке между 965 г. и 967 г., но нет свидетельств тому, что они были им в этот период покорены. Если бы они были приведены в зависимость в 965 г. Святославом, вряд ли государственные образования касогов и ясов были бы настолько жизнеспособны, чтобы через два неполных года оказаться в союзе болгар и хазар против русов. Как мы увидим далее, первоначальные летописные сведения о касогах из Никоновского свода 1073 г. восходили непосредственно к информации, которая шла из Тмутаракани. По мнению Д.С. Лихачева, Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и прошлые, восполняя недостаток письменных материалов устными источниками [14, с. 87]. Поэтому, на наш взгляд, более правильным будет относить фрагмент «и приведе к Киеву» не к касогам и ясам, а к козарам.

Под 1022 г. «Повесть временных лет» сообщает о походе тмутараканского князя Мстислава Владимировича на касогов и приведении их в зависимость. «В год 6530. Пришел Ярослав к Берестью. В то же время

Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватил нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь святой Богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани» [24, стб. 146-147].

Как и летописное известие о походе Святослава в 965 г., приведенный сюжет о единоборстве Мстислава с Редедей восходит к своду Никона Печерского, или Тмутараканского (ок. 1073 г.). Благодаря Никону сведения о касогах, а также о целом ряде тмутараканских и черниговских событий, были внесены в киевское летописание (сперва в Начальный летописный свод и далее в «Повесть временных лет»). В пользу того, что Никон – автор сюжетов, связанных с касогами, говорит довольно известный факт его длительного пребывания в Тмутаракани в 1061-1066 гг. и 1073-1074 гг. [14, с. 82-93; 29; 42, с. 423-460].

В эти годы он еще мог встретить здесь очевидцев событий 1022 г. Наверное, поэтому Никон имел возможность в подробной форме передать диалог между противоборствующими князьями в ходе поединка, что лишней раз показывает его хорошее знакомство с описываемыми событиями.

Исследователи давно обратили внимание на то, что ряд выражений и мыслей из «Повести временных лет» буквально совпадали с выражениями из другого известного памятника русской культуры – «Слова о полку Игореве». Так, если автор «Слова» рассказывает о «храбром» Мстиславе Владимировиче, «иже зареза Редедю перед полка касожскими», то в приведенном выше летописном сюжете о единоборстве говорится, что Мстислав «вынзе нож, зареза Редедю» [25, стб. 134].

Такого рода совпадения вызвали у некоторых исследователей предположение о том, что автором летописных сюжетов, повествующих о Тмутаракани и Чернигове, был не кто иной, как «вещий Боян» [2, с. 84-85; 36, с. 73; 41, с. 328; 43]. Однако оно не получило своего подтверждения. В описании поединка в конце говорится, что Мстислав, возвратившись из похода, заложил церковь св. Богородицы, которая «стоит и до сего дня в Тмутаракани». Наверное, Никон больше, нежели кто-нибудь другой, имел основание так уверенно свидетельствовать об этом. Такого рода аргументация со ссылками на архитектурные и скульптурные памятники, стоящие «и до сего дня», встречаются в «Повести временных лет» еще несколько раз. По мнению специалистов, эти места «Повести» относятся к тому пласту, который,

несомненно, восходит к Никоновскому своду 1073 г. [7, с. 69]. Никона считают составителем и перечня необходимых для его свода иллюстраций, которые хорошо сохранились и дошли до нас в составе Радзивилловской летописи [33, с. 201-207].

В числе 8 миниатюр, посвященных Мстиславу Тмутараканскому, есть композиции о войне с касогами, о единоборстве Мстислава с Редедей, о возведении церкви св. Богородицы. Изображая батальные сцены, художник не различает русское и касожское войско. У них одинаковые головные уборы, вооружение. По мнению О.И. Подобедовой, особенно примечательным является «изображение рати в виде монолитной труппы, где воины стоят плечом к плечу; зрителю виден первый ряд, а второй угадывается по множеству шлемов и лесу копий. Конные воины чаще всего располагаются в виде плотно стоящей группы в два ряда» [23, с. 55].

Анализируя данный летописный сюжет, необходимо учитывать условия времени, в которое он создавался. К моменту включения Никоном в летопись устного предания о единоборстве прошло неполных сто лет с момента крещения Руси. В постепенном распространении и утверждении христианства, а также оформлении церкви как социальной организации важную роль играли «христовы» подвижники, одним из которых являлся Никон. Составленный им свод выражал официальные и, в первую очередь, церковные интересы. Поэтому Никон, обобщив и обработав устные предания о единоборстве, использует созданный летописный сюжет для проповеди христианской идеологии. Источником победы Мстислава, по летописи, явилось его обращение к божественной силе: «О пречистая Богородица, помоги мне». Позже, в XVI–XVII вв., после освобождения от татаро-монгольского ига, создания централизованного государства и присоединения Казанского и Астраханского ханств, трактовка единоборства в русском летописании меняется. Теперь борьба Мстислава с касогами и его единоборство с Редедей изображается как борьба с языческой, т.е. антихристианской и богопротивной силой, а Редедя характеризуется как «супостат», «варвар» и «безбожник» [26, с. 68; 27, с. 369].

Сюжет о единоборстве Редеди (Редеды – адыгск.) достаточно хорошо сохранился в адыгском фольклоре. Еще в первой половине XIX в. он был приведен Ш.Б. Ногмовым в работе «История адыгейского народа» в составе тмутараканского цикла адыгских преданий [21, с. 82-84]. Некоторые дореволюционные исследователи (М.П. Погодин, П.Г. Бутков и др.) использовали эти материалы как подтверждающие известный летописный сюжет.

В последующем разгорелся научный спор вокруг ногмовской версии о борьбе между Редадой и тмутараканским князем, а также о соотношении имени Редеды и песенного рефрена уэ-редэ, уэ-рэдадэ. С сомнениями по поводу существования среди адыгов исторического предания о Редеде выступил Вс. Миллер, которого позже поддержал Н.С. Трубецкой [18; 39]. С другой стороны, специально занимавшиеся изучением адыгских языков и адыгского фольклора Л.Г. Лопатинский и П. Тамбиев, пришли к выводу о достоверности тмутараканского цикла преданий у Ш. Ногмова [15].

Дискуссия по данному вопросу продолжалась и в советское время. Основные положения Вс. Миллера и Н.С. Трубецкого были приняты такими исследователями, как Г.Ф. Турчанинов и Л.И. Лавров [11; 40].

Известные ученые-кавказоведы – фольклорист А.Т. Шортанов [44] и языковед М.А. Кумахов [9] осуществили тщательный анализ содержания упомянутой ногмовской записи, других вариантов преданий о Редаде в адыгском фольклоре в сопоставлении с русскими летописными источниками. Это позволило им прийти к выводу о подлинно фольклорном происхождении сюжета о единоборстве Редады и его широком бытовании не только у кабардинцев, но и у западных адыгов.

А.Т. Шортанов установил наличие в адыгском фольклоре целого пласта сказаний и преданий о Редаде и его единоборстве с князем Мстиславом и его прообразами (Пренс Мстислау, безымянный русский богатырь и т.д.). Он показал, что, хотя предания подверглись естественной трансформации, все же главная стержневая линия (борьба Редады с чужеземными пришельцами) и особенно наиболее драматические места, несущие основную эмоциональную нагрузку, сохранились во всех вариантах. Отнесение Ш.Б. Ногмовым имени Редады к «уэрэд» и «уэредадэ» объясняется исследователем фонетической близостью, народно-этимологической трактовкой этого слова и его привязкой к исторической личности, что характерно для фольклора многих народов. Шортанов привел различные примеры того, как припевное слово «уэрэд» в результате определенных исторических предпосылок попало из адыгского в другие языки – русский, тюркские, иранские, грузинский, ряд северокавказских. На это обращал внимание еще в XIX столетии А.В. Марков [17].

М.А. Кумахов, в свою очередь, считает, что хронологические расхождения между версией, приводимой Ш.Б. Ногмовым, и летописным сюжетом о единоборстве объясняются устной формой предания, а если даже такие различия есть, то они не имеют решающего значения для установления связи между ними. Анализируя язык и топонимику адыгского фольклора тмутараканского цикла, он убедительно доказывает, что мнение Л.И. Лаврова о том, будто Тамтаракай и Тамтараканское княжество в книге Ш.Б. Ногмова не имеют отношения к исторической Тмутаракани, лишено оснований. Наоборот. Топоним Таматаркбай, как и собственное имя Редада, не выдуман Ш.Б. Ногмовым, а взят из устных преданий, отражающих исторические связи адыгов с Тмутараканью и Тмутараканским княжеством. В решении вопроса о соотношении имени Редады и песенного рефрена уэ-редэ, уэ-редадэ Кумахов исходит из определенной закономерности языка устно-поэтического творчества. Она заключается в переходе полнозначных слов, утративших свое словарное значение, в песенный рефрен, тогда, как переход рефрена (звукового отрезка) в полнозначную смыслоносущую лексему не характерен для языка фольклора. А это, по его мнению, означает, что песенный рефрен «уэ-редэ», «уэ-редадэ» не может быть исходным для имени Редадэ [9]. Другой вопрос – является ли имя Редадэ исходным для уэрэд («песня») и песенного рефрена «уэ-редэ», «уэ-ре-дадэ» – остается открытым.

Таким образом, приведенные исследования убеждают нас в том, что имеется больше оснований рассматривать летописный сюжет о единоборстве Редеди и Мстислава в прямой связи с адыгскими преданиями и сказаниями о Редадэ, нежели отвергать таковую. Тем более, что Никон, автор летописного сюжета, основывался на устных преданиях тмутараканцев, значительную часть которых составляли касоги, то есть адыги.

Говоря о литературе, посвященной анализу летописного сюжета о единоборстве Мстислава и Редеди, надо кратко остановиться и на небольшой публикации А.И. Попова, который попытался дать своеобразную трактовку имени «Редедя» [28]. По его мнению, подлинное имя касожского князя должно звучать как «Редега» и, скорее всего, это «не личное имя в собственном смысле, а династическое или географическое обозначение». Автор не смог каким-нибудь образом аргументировать выдвинутое положение. Он пытается механически отождествить название епископства «Ретег», подчиненного Готской митрополии в VIII в., с именем касожского князя, которое, по его предположению, звучало как «Редега». В данном случае А.И. Попову следовало бы отталкиваться от протографа летописного сюжета о единоборстве по «Повести временных лет», а не отдельных летописей позднего времени, в которых летописцы иногда ошибочно называли касожского князя Редедгой. Например, в ранних редакциях родословных книг, чьи протографы восходят к 40-м гг. XVI в. (Летописная и Румянцевская), имеется сообщение о войне между ордынским князем Редедгой и князем Владимиром Мстиславичем. А краткий Владимирский летописец XVI в. повествует о гибели князя Святослава Игоревича на днепровских порогах от печенегов, которых возглавлял князь «Редера» [30, с. 68; 38, с. 185].

Позже отдельные факты из летописного сюжета о единоборстве Мстислава и Редеди (пленение семьи касожского князя) послужили основой для родословных отдельных боярских фамилий. Они опирались как на достоверный рассказ на предание о том, что два сына Редеди, увиденные в Тмутаракань, были крещены Мстиславом и получили соответственно имена Юрий и Роман. По одному из вариантов, Роман был женат на дочери тмутараканского князя [30, с. 72]. К Юрию и Роману возводили свои генеалогии боярские роды Белеутовых, Сорокоумовых, Глебовых, Симских, Добрынских и др. [4, с. 214-223; 6; 30, с. 74-75, 154-156].

Летописные источники не позволяют сделать какие-нибудь достоверные выводы о взаимоотношениях Тмутараканского княжества и касогов после событий 1022 г. Непонятно, носили ли они союзнический или вассально-подданнический характер. Во всяком случае, спустя год, в битве под Лиственом (недалеко от Чернигова) между Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом в дружине последнего сражались касоги: «Поиде Мстислав на Ярослава, с козары и касогы» [24, стб. 147-148].

Положение Тмутараканского княжества в середине и второй половине XI в. было довольно устойчивым. Сам город, располагавшийся у Керченского пролива, являлся крупным портом. Здесь проживало многоязычное население. Тмутаракань сохраняла прочные связи с Черниговским княжеством, которое

тоже долгое время (до 1036 г.) возглавлялось князем Мстиславом Владимировичем. Специальные исследования позволили установить, что в летописных сводах XI в. четко прослеживается линия с тмутараканско-черниговскими симпатиями, которая непосредственно связывается с авторством Никона [33, с. 201-207].

Выше уже отмечалось, что в 60-х гг. XI в. Никон находился в Тмутаракани. Он являлся очевидцем прихода князя Ростислава Владимировича в Тмутаракань и его отравления греками (1066 г.). В тесной связи с этими событиями выступает летописное сообщение о том, что «Ростислав сущю Тмутаракани и емлющую дань у касог и у инех стран, сего же убоявшеся греци, послаша с лестью котопана» [24, стб. 166].

В.В. Мавродин и А.Н. Насонов считали, что приведенная летописная статья позволяет говорить об обеспокоенности греков экспансией Ростислава в отношении Кавказа и Тавриды [16, с. 251; 20, с. 96-97]. Действительно, если первоначально княжество не выходило за рамки Таманского полуострова, то благодаря активной политике, проводимой Мстиславом и его преемниками, оно расширилось в сторону Восточного Крыма и Нижнего Прикубанья [19, с. 55-56].

Правда, в отношении касогов остается не до конца ясным вопрос – носила ли выплата дани с 1022-го по 1066 г. регулярный характер и до какого времени это имело место. После событий 1066 г. и до конца XI в., когда упоминание о Тмутаракани исчезает из летописей, в русских письменных источниках не содержится никаких сведений о касогах.

Таким образом, многовековые исторические связи между русскими и адыгскими народами способствовали накоплению в России различных исторических сведений об адыгах. В основе первоначальных летописных известий о касогах в большинстве лежат памятники устной традиции адыгов, которые отражали реальные факты взаимоотношений Тмутараканского княжества и предков адыгов. Автором рассмотренных в публикации летописных сюжетов являлся Никон (Великий), из свода которого они попали в более поздние летописи.

«Обезы» в малоизвестном памятнике русской эпической поэзии

Другой сюжет из истории связей адыгов и абхазо-абазин с древней Русью относится к «обезам» русских летописей. В существующей литературе стало традиционным рассматривать вопросы, связанные с обезами, в основном на основе разбора летописных материалов. В этой связи хочется привлечь внимание еще к одному интересному источнику – памятнику устного народного творчества, который остается вне поля зрения исследователей. Имеется в виду былина о Лукояне Берендеевиче, текст которой был впервые записан Н.И. Костомаровым и А.Н. Мордовцевой в Саратовской губернии в период между 1849 и 1856 гг. [13, с. 3-7].

Данная былина не несет в себе каких-нибудь сведений о конкретно-исторических событиях, но ориентируясь по известному летописному сюжету о

женитьбе волынского князя Изяслава Мстиславича на обезской княжне в 1154 г. [22, с. 202], можно полагать, что она возникла после второй половины XII в. как отголосок указанного династического союза.

Довольно интересно согласуется с былиной сообщение из «Исторического изображения Грузии, сочиненного в Александро-Невской Академии». Мстислав в 1153 г. ездил на встречу к невесте своего отца: «на ту оне осень послал отец противу мачехи с Володимером с Андреевичем и с Берендеи, и ходит а до Олешья, и не обрета ея (т.е. невесту – К.Д., Н.В.) взвратишася опять». И далее: «В 1154 г. послал Изъяслав сына своего второе противу мачехи: бе бо повел жену себе из Обез в Киев...» [31, л. 4-4 об.].

Рассматриваемую былинку, наверное, следует отнести к Киевскому циклу. Образ Лукояна Берендеевича, главного действующего лица, малоизвестен среди персонажей русского героического эпоса. Представляется возможным поставить его в один ряд с младшими богатырями указанного цикла. Лукояна Берендеевича нельзя возводить к какому-нибудь конкретному прототипу. Отчество былинного героя скорее всего связано с тюркоязычными поселенцами древнерусского пограничья – берендеями. Фактически основное повествование сосредоточено вокруг событий, происходящих во владениях обезского князя. Былина содержит много эпических трафаретов: выезд и возвращение главного героя, описание богатырской поездки, пир у князя Владимира в Киеве и т.д. Здесь присутствуют различного рода диалоги, которые выполняют существенную динамическую функцию. Хорошо выделяются повествовательная и заключительная части былины. Она не сложная по своему содержанию и композиции. В то же время надо отметить и некоторую многоплановость сюжета – сочетание героических элементов со сказочными, фантастическими и новеллистическими. Былинку нельзя отнести ни к военно-героическому жанру, ни к былинам о сватовстве; больше всего она напоминает былинку-новеллу с элементами драматизма. Авторы этих строк считают, что в данном случае неплохо прослеживается внутренняя связь содержания былины с определенной исторической эпохой и дружественными отношениями славян и обезов: «А живем ведь все (т.е. обезы. – К.Д., Н.В.) с ним (киевским князем. – К.Д., Н.В.) не в разбратии, а в согласии, в сватовстве живем, в братстве названном». Интересным является уже тот факт, что эти взаимоотношения сохранились в памяти русского народа на протяжении восьми с половиной столетий и дошли до нас не только в летописной, но и в устной традиции.

Авторам статьи неизвестно, сохранились ли другие варианты былины о Лукояне Берендеевиче. Текст публикуется по указанному выше изданию [13, с. 3-7].

ЛУКОЯН БЕРЕНДЕЕВИЧ

Из лесу лесу темного,
Из дубровушки из зеленыя;
То не млад ясен сокол вон вылетывал,
И по чистым полям перепархивал,

Молодые крылья расправляючи:
То из Киева, из стольного города,
Выезжал добрый молодец на лихом коне.
Как гулял он, удаленький, не год не два.
Как гулял он, молоденький, ровно три года;
Пригульнулся, примотнулся в землю дальнюю,
В чужедальную землю во абезскую.
Как увидел его, добра молодца,
Князь абезский со свово терема,
С свово терема, со высокого,
Со крыльца свово, со парадного,
Со парадного, со нарядного,
Как возгаркнет князь-абезский зычным голосом:
«Уж вы гой есте мои слуги верные,
Уж и что это в поле за детинушка,
Уж и что это в чистом за незнаемый?
Не спросясь, разъезжает он на лихом коне
По лугам ли моим княжецким.
Вы берите, ребята, копыа длинныя,
Окружите, вы, поймайте незнакомаго,
Приведите его на речи распросныя».
Как и слуги-те молодца подхватывали,
За узду его добра коня прихватывали,
Под белы руки удалого приваживали.
Что возговорит молодцу абезский князь:
«Ты скажи мне, скажи детинушка,
Из которой пришел ты сторонушки,
От какого царя, чьего царствия?
Сирота ли горемычная слоняешься,
Или враг лихой пришел на высмотры?»
Что возговорит удалый добрый молодец:
«Не подумай ты, князь, чтоб отдался я,
Чтоб отдался я тебя, убоямшися;
Не боюсь я ничего на белом свете, -
Ни во темных лесах зверя прыскучего,
Ни во чистых полях свиста богатырского,
Ни в синем небе змея летучаго;
А боюсь я, князь абезский, твоей немилости.
Уж не я ли то, государь, добрый молодец,
Не слоняюсь сиротой горемычною;
Не лихой я враг пришел на высмотры; -
Как и я ли то, государь, роду русскаго,
Из земли пришел святорусския,
Из того ли стольна города из Киева,
Государя я князя - Володимира,

Я по имени Лукояном называюся,
По изотчеству Берендеич прозываюся,
А крещён я попом, Пантелеем зван».
Как возговорит молодцу абезский князь:
«Уж ты гой еси детинушка,
Коли правду ты молвил мне, истину,
Покажи-ка мне грамотку от князя Володимира.
А живем ведь все с ним не в разбратии,
Не в разбратии, а в согласии,
В сватовстве живем, в братстве названом.
Кабы знал он, что поехал ты в землю абезскую,
Уж и дал бы он тебе свою грамоту
Ко мне ли брату названому.» -
«Не привез я государь, тебе грамотки,
А за тем не привез - сам собой пошел,
Без его государя дозволения».
Что возговорит тут абезский князь,
Как возгаркнул, воскрикнул зычным голосом:
«Ой вы слуги мои, вы слуги верные!
Не добра гостя нам в руки Бог послал,
Лиходея злого неприятеля,
Что приехал он к нам да на высмотры!
Вы сокуйте ему руки, руки белыя,
Руки белыя, ноги его скорыя,
Наложите на лихого цепь железную,
Цепь железную в тридцать три пуда,
Вы забросьте его во темницу темную!»
Оковали добра молодца слуги княжие
И забросили во темницу тёмную.
Как сидит добрый молодец не год, не два,
Как сидит удаленький ровно три года,
Как не знать удаленький часу - времени;
Он не знать, бедняжечка, что зима холодная,
Он не знать, горемычный, что лето красное!
Потому только знать он, что зима холодная,
Что играли ребятушки под темницею
Да швырнули глыбу снегу в окошечко;
Потому только знать он, что лето красное,
Что ходили красны девушки в лес по ягодки
Да швырнули свету алого в окошечко!
На четвертый год стало поворачивать.
Приходила к нему красна девица,
Красна девица, дочь князя абезского,
Приходила молодая, поклонилася,
От сердечности молодая молвила:

«Уж ты гой еси удалой русской молодец!
Уж не хочешь ли гуляти да по волюшке?
У меня ли, у княжны, есть разрыв - трава:
Разорвет она твои цепи железныя,
Мы уйдем с тобою, молодец в землю русскую,
Ты возьмешь меня, девушку, за хозяйюшку,
За хозяйюшку, за верную за любушку».
Как вздохнул тяжело добрый молодец,
Залился он слезами глубокими,
Закрывал он руками лицо белое,
Проговоривал слово неприветливо:
«Ах ты девка, ты девчонка-потаскушечка!
Потаскалась, знать, ты со ребятами;
Надоели, знать, тебе полюбовники;
Что ты хочешь бежать от отца матери,
В чужедальную сторонушку во русскую.
Уж и лучше мне гнить во сырой тюрьме,
Чем принять тебя за хозяйюшку,
За хозяйюшку, за верную любушку:
У меня ли, удалого, добра молодца,
Во отечестве, во стольном во Киеве
Есть невестушка - обрученная девица,
Обрученная красавица, сговоренная;
Как она меня молодца поджидает,
День и ночь слезами обливается,
Все по мне, по своем милом дружке!»
Что возговорит красная девица,
Красная девица, дочь князя абезского:
«Если есть у тебя душа красна девица,
Красна девица обрученная невестушка,
Обрученная красавица, сговоренная, -
Так ступай себе к ней, удаль молодец,
А меня, княжну, не кори неприветливо.
Коли вправду ждет тебя девица - позабудь меня;
Коли замуж пошла красная вспомяни меня;
Хоть вспомянешь, не воротишь добрый молодец!»
Вот вымала она разрыв-траву из карманчика,
Вот притронулась разрывом ко железушкам:
Распадалась цепь железная тяжелая;
Выводила из конюшни коня сераго,
Даровала молодцу седло бранное;
Полетел в чисто поле добрый молодец -
Утиралась княжна, в след рукавчиком!
Как во городе было в стольном Киеве,
Во дворе - то было княжецком,

Пировал Владимир со боярами,
И увидел Володимир добра молодца,
Добра молодца на лихом сером коне.
Что возговорит Володимир князь:
«Уж и что это за молодец к нам на двор идет?»
Приезжал Лукоян он ко терему,
Привязал он коня у решеточки,
Он снимал с головы шапку бобровую,
И входил он в горницы во росписаны,
Поклонился он в пояс князю ласкову,
А боярам богатырям по поклончику.
Что возговорит Володимир князь ласковый:
«Здравствуй, здравствуй Лукоян Берендеевич!
Уж и где то те Бог носил разудалого?
Знать шатался ты по чужим землям,
Знать видал ты много дива дивного?
Воротился ты к нам в добрый час,
Да не в добрый час от нас выехал:
Твоя матушка Богу душу отдала,
А молода невестушка замуж пошла».
Как вздохнул тяжело добрый молодец.
Залился он слезами горячими:
«Кабы знал я эвто, добрый молодец,
Не корил бы я, не клял княжны абезския».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.П.* Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского научно-исследовательского института. – Черкесск, 1954. – С. 199-260.
2. *Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. – М.: Наука, 1975. – 345 с.
3. *Гадло А.В.* Восточный поход Святослава // Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию проф. В.В. Мавродина. – Л.: ЛГУ, 1971. – С. 59-67.
4. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. – М.: Наука, 1988. – 350 с.
5. *Калинина Т.М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 90-101.
6. *Кандор Р.С.* Адыгские элементы в геральдической традиции // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. – Нальчик, 2004. – Вып. 9. – С. 173-178.
7. *Каргер М.К.* К характеристике древнерусского летописца // Труды отделения древнерусской литературы. – М.; Л., 1955. – Вып. 11. – С. 59-71.
8. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 134 с.
9. *Кумахов М.А.* О Тмутараканском цикле адыгского фольклора // Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – С. 297-306.

10. *Лавров Л.И.* Адыге в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1955. Вып. IV. – С. 19-64.
11. *Лавров Л.И.* Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Советская этнография. – 1969. – № 2. – С. 136-141.
12. *Левченко М.В.* Очерки русско-византийских отношений. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 556 с.
13. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 4. – М., 1862. – 361 с.
14. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – 499 с.
15. *Лопатинский Л.Г.* Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов // Известия Бакинского государственного университета. – 1921. – № 1, 2-й полутом (Гуманитарные науки). – С. 197-203 (23-29).
16. *Мавродин В.В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки ленинградского Педагогического ин-та им. Герцена. – 1938. – Т. 11. – С. 231-273.
17. *Марков А.В.* Заметка о припеве: «У редеди – даредедя» // Этнографическое обозрение. – 1899. – № 1-2. – С. 345-346.
18. *Миллер В.Ф.* Рецензия на СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 12 // Журнал министерства народного просвещения. Часть ССLXXVII. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – Сентябрь. – С. 204-215.
19. *Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. – М.: Изд-во Вост. лит., 1963. – С. 54-61.
20. *Насонов А.И.* Тмутаракань в истории Восточной Европы в X в. // Исторические записки. – 1940. – № 6. – С. 79-99.
21. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 165 с.
22. Повесть временных лет. Часть 2 / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л., АН СССР, 1950. – 555 с.
23. *Подобедова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей. – М.: Наука, 1965. – 331 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Фототипическое воспроизведение 2-го издания 1926-1928 гг., вышедшего под ред. Е.Ф. Карского / напечатано под наблюдением М.Н. Тихомирова. – М.: Вост. лит-ра, 1962. – VIII, 580 с.
25. Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. Фототипическое воспроизведение издания 1908 г. / напечатано под наблюдением М.Н. Тихомирова. – М.: Вост. лит-ра, 1962. – XVI е.+938 стлб.+87 с.+IV с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 21. 1-я половина. Книга Степенная царского родословия. Ч.1. / Под ред. П.Г. Васенко. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 342 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. – 580 с.
28. *Попов А.И.* К истории имени «Редедя» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик: КБИИФЭ, 1982. – Вып. 1. – С. 38-42.
29. *Приселков М.Д.* Митрополит Иларион – в схиме Никон – борец за независимую русскую церковь (эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. – СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1911. – С. 188-201.
30. Редкие источники по истории России: в 2-х т. Т. 2: Публикация текста родословных книг Летописной и Румянцевской редакций XVI в. («Новые родословные книги

XVI в.») / Сост. З.Н. Бочкарева и М.Е. Бычкова; под ред. А.А. Новосельского и Л.Н. Пушкарева. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1977.– 186 с.

31. Рукописный отдел Государственной Библиотеки им. Ленина. – Ф. 169. – № 28. – Л. 4-4 об.

32. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 361 с.

33. Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1984. – 241 с.

34. Рыбаков Б.А. Славяне в Крыму и на Тамани // Крымская правда. – 1952. – 31 мая. – № 161.

35. Сахаров А.Н. Восточный поход Святослава и «Записка греческого топарха» // История СССР. – 1982. – № 3. – С. 86-103.

36. Соловьев А.В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. – 1948. – Т. 25. – С. 71-103.

37. Татищев В.Н. История Российская. – М.-Л.: Наука, 1963. – Т.2. – 352 с.

38. Тихомиров М.Н. Русское летописание. – М.: Наука, 1979. – 556 с.

39. Трубецкой Н.С. Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. – Т. XXIII. – 1911. – № 1-2. – С. 229-238.

40. Турчанинов Г.Ф. Летописный Редедя и черкесское «Редад» // Ученые записки Кабардинского НИИ. – Нальчик, 1947. – Т. 2. – С. 247-262.

41. Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. – 1948. – Т. 25. – С. 293-333.

42. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 703 с.

43. Шляков Н.В. Боян // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. – 1928. – Т. I. – Кн. 2. – С. 483-498.

44. Шортанов А.Т. Редада и Мстислав // Филологические труды. – Нальчик, 1977. – Вып. 1. – С. 3-42.

УДК 94 (47+479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-41-56

КАСОГИ И ОБЕЗЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

К.Ф. ДЗАМИХОВ

Н.В. ВАРИВОДА

*Институт гуманитарных исследований
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru, variksl@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются некоторые исторические сюжеты о касогах и обезах, сохранившиеся в древнерусских письменных и устных памятниках. Авторы акцентируют внимание на летописных сведениях о контактах и взаимоотношениях касогов с Киевской Русью, а именно – с Тмутараканским княжеством. Отмечается, что в основе первоначальных летописных известий о касогах в большинстве лежат памятники устной традиции адыгов. Сюжеты, связанные с обезами, анализируются на основе малоизвестной былины о Лукояне

Берендеевиче. Авторы приходят к выводу, что многовековые исторические связи между русским и народами Западного Кавказа способствовали накоплению о них сведений в древнерусской исторической традиции и фольклоре.

Ключевые слова: Киевская Русь; Тмутараканское княжество; Западный Кавказ; касоги; обезы; летописи; фольклор; былина.

KASOGS AND OBESA IN ANCIENT RUSSIA'S HISTORICAL TRADITION AND FOLKLORE

**K.F. DZAMIHOV
N.V. VARIVODA**

*Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin st.
E-mail: kbigi@mail.ru, variks1@yandex.ru*

Abstract. The article examines some historical subjects related to kasogs and obesa, which are traceable in ancient Russia's written and oral records. The authors concentrate their attention on the information the chronicles provide concerning contacts and relations of kasogs with Kievan Rus', particularly with Tmutorocan' Principality. It is specified that the background of the primary knowledge of the chroniclers about kasogs may be found in the records of the Adyghe's oral tradition. The obesa related subjects are investigated by means of analysis of the lesser-known epic (bylina) about Lukoyan Berendeevich. The authors come to the conclusion that centuries-old historical ties between Russians and the peoples of the Western Caucasus were facilitating the accumulation of the knowledge about them in ancient Russia's historical tradition and folklore.

Key words: Kievan Rus'; Tmutorokan' Principality; Western Caucasus; kasogs; obesa; chronicles; folklore; bylina.